
**ПОБЕДА
БУДЕТ
ЗА НАМИ!**

Олег НУЖДИН
Станислав РУЗАЕВ

БИТВА
ЗА СЕВАСТОПОЛЬ
Последний штурм

«ЯУЗА-ПРЕСС»
МОСКВА
2015

УДК 355/359

ББК 68

Н 88

Оформление серии *Ю. Щербакова*

Нуждин, Олег.

Н 88 Битва за Севастополь. Последний штурм / Олег
Нуждин, Станислав Рузаев. — Москва : Яуза-пресс,
2015. — 448 с. — (Победа будет за нами!).

ISBN 978-5-9955-0775-8

«По приказу Верховного командования советские войска оставили Севастополь», — сообщила «Правда» 4 июля 1942 года. На самом деле в тот день Приморская армия еще держала оборону на полуострове Херсонес, надеясь на помощь Черноморского флота. Но помощь не пришла. Из осажденного Севастополя был эвакуирован лишь высший военно-политический состав (в общей сложности 1726 человек), а более 120 тысяч бойцов (треть из них — раненные) обречены на смерть или плен...

Почему пал город-крепость? По чьей вине восьмимесячная Севастопольская страда завершилась кровавой катастрофой, а закаленные в боях дивизии были брошены на произвол судьбы? Почему массовый героизм и самоотверженность наших войск не спасли город русской воинской славы? И был ли шанс отстоять Крым?

Отвечая на самые горькие и болезненные вопросы, эта книга подробно, по дням и часам, восстанавливает трагическую историю последнего штурма Севастополя.

УДК 355/359

ББК 68

© Нуждин О., 2015

© Рузаев С., 2015

© ООО «Яуза-пресс», 2015

ISBN 978-5-9955-0775-8

ВВЕДЕНИЕ

Севастополь, находящийся на берегах бухт, удобных для размещения боевых кораблей, к началу войны был главной базой Черноморского флота. К лету 1942 г., несмотря на захват Германией значительной части территории Советского Союза, он не утратил своего стратегического значения.

Основной структурой, на плечах которой лежала задача организации управления войсками, оборонявшими город, был Севастопольский оборонительный район. Он был образован 3 ноября 1941 г. приказом командующего войсками Крыма вице-адмирала Г.И. Левченко с целью налаживания взаимодействия между сухопутными войсками, береговой обороной главной базы, авиацией и Черноморским флотом. В первые дни его возглавлял генерал-майор И.Е. Петров, но его власть распространилась только на сухопутные войска, береговую оборону и авиацию, дислоцировавшиеся в Севастополе. Главная база Черноморского флота и сам флот ему не подчинялись.

Решением Ставки Верховного Главнокомандования от 7 ноября 1941 г. руководство СОРОм было реорганизовано. Во главе его был поставлен командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский. Ему в подчинение перешли Отдельная приморская армия (командующий — генерал-майор И.Е. Петров), и береговая оборона главной базы (комендант — генерал-майор П.А. Моргунов). Генерал И.Е. Петров одновременно

назначался заместителем командующего СОРОм по сухопутной обороне¹. Такая система управления войсками сохранилась к началу лета 1942 г.

Подобная система организации обороны Севастополя была хороша как временная, но к весне 1942 г. она стала создавать сложности, прежде всего в командовании флотом. Как отмечал народный комиссар ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, изменившаяся обстановка, в частности оживление на морских коммуникациях, связывавших кавказские порты с крымскими, требовала нахождения Военного совета флота с флагманским командным пунктом на кавказском побережье, о чем он сделал соответствующий доклад И.В. Сталину, предложив на должность командующего СОРОм генерала С.И. Кабанова, уже имевшего богатый опыт по организации обороны приморских участков. Но И.В. Сталин определенного ответа не дал.

Тогда, во время своей командировки на Кавказ в апреле 1942 г., адмирал Н.Г. Кузнецов решил переговорить по этому вопросу непосредственно с самим Ф.С. Октябрьским. Тот, обдумав, высказался категорически против. При этом он направил ответ не наркому, а сразу на имя Верховного главнокомандующего И.В. Сталина.

По этому поводу Н.Г. Кузнецов записал следующее: «Я был удивлен, помня, как упрямо он настаивал на переносе своего ФКП² на Кавказ, когда обстановка требовала пребывания Военсовета флота в Севастополе и непосредственного руководства обороной. Теперь же, когда ожидалось наступление из Севастополя на Симферополь, что лучше всего мог сделать сухопутный начальник, такой, как генерал И.Е. Петров, Ф.С. Октябрьский категорически и, я бы сказал, с обидой высказался за оставление его в Севастополе. Вскоре это отозвалось,

¹ Кулаков Н.М. Доверено флоту. — М., 1985. С. 145.

² ФКП — Флагманский командный пункт.

когда в конце июня 1942 г. пришлось оставлять Севастополь, а Военсовету вылететь на Кавказ»¹.

Видимо, здесь следует согласиться с мнением М.Э. Морозова, который считал, что весной 1942 г., когда речь шла об освобождении Крыма от немецкой оккупации, командующему флотом было выгоднее находиться в Севастополе, выступая в роли бессменного защитника черноморской твердыни, надеясь в ближайшем будущем стать освободителем полуострова².

Сохранялись сложности в управлении обороной самой главной базы. Специфику сложившейся к лету 1942 г. системы весьма точно обрисовал В.С. Лисютин. По его мнению, ее базовым элементом было стремление командиров и начальников управлять войсками лично, без своего штаба. «Штаб — орган управления. Начальник штаба отвечает за организацию управления. К нему стекается информация об обстановке со всех соединений и органов управления флота. Ему подчинена оперативная дежурная служба флота. Он держит руку на пульсе событий на флоте. А командующему флотом докладывает только то, что требует его компетенции, его решений. В обороне Севастополя у командующего такого штаба не было. Была оперативная группа штаба, весьма ограниченная по своему количеству... Оставшийся в Севастополе зам. начальника штаба флота Васильев к оперативным вопросам касательства не имел. Поэтому вся лавина информации по обстановке, идущая от командующего Приморской армией, командующего ВВС, командиров соединений и оперативного дежурного КП флота, обрушивалась непосредственно на командующего флотом. Это часто приводило Октябрьского к резкому выражению недовольства, особенно в адрес оперативных дежурных, которые, естественно, были не в

¹ Морозов М.Э. Воздушная битва за Севастополь. 1941—1942. — М., 2007. С. 281.

² Там же.

состоянии, не вправе срабатывать за начальника штаба. А докладывали они чаще всего о событиях неприятных, из которых в основном и складывалась война...»¹

Между командующим флотом и Севастопольским оборонительным районом адмиралом Ф.С. Октябрьским и его заместителем, командующим Приморской армией генералом И.Е. Петровым, за месяцы совместной службы сложились непростые отношения. Одним из пусковых моментов конфликта стал неточный, по мнению Ф.С. Октябрьского, ответ И.Е. Петрова о наличии боеприпасов для армейской артиллерии в преддверии декабрьского штурма. Дополнительным фактором стало естественное желание сухопутного генерала ограничить степень вмешательства флотского командира в управление армией.

Кроме того, между собой столкнулись два характера, два стиля работы. «Стремление обособиться в рамках Приморской армии и непонимание роли флота в обороне Севастополя со стороны И.Е. Петрова приводило к серьезным осложнениям, как это было с артбоеприпасом... Если Октябрьский был натурой активной, наступательной, часто граничащей с крайней агрессивностью в боевых действиях, то Петров всю войну слыл как генерал обороны. Но и обстановка бывает разная, худшая из них пассивная, лучшая — активная. В Севастополе была достаточно организованная система обороны, система управления ею заблаговременно организована комендантом береговой обороны флота П.А. Моргуновым, опиравшимся на хорошо подготовленный, сплоченный, по-боевому настроенный штаб, мощную артиллерию береговой обороны, кораблей флота, зенитной артиллерии флота, а также соединения и части морской пехоты, отличавшиеся особо высокой боеспособностью. Командующий Приморской армией за весь период обороны так

¹ Историк на заметку (Из архива адмирала Ф.С. Октябрьского) / Сост. Р.Ф. Октябрьская. — Севастополь, 2009. С. 58—59.

и не предпринял ни одного существенного контрудара по немецко-фашистским войскам», — отмечал В.С. Лисютин¹.

К сказанному можно добавить еще несколько замечаний. Действительно, оборона не была в достаточной степени активна, этот факт отмечен также противником. Однако не стоит забывать, что самостоятельность принятия решений и действий генерала И.Е. Петрова была ограничена командующим СОРОм, без согласия или одобрения которого никакая крупная операция на севастопольском фронте не могла быть проведена. Генерал И.Е. Петров не имел свободы маневра войсковыми частями, и в ряде случаев адмирал Ф.С. Октябрьский отдавал приказания командирам через голову командарма.

На плечи этих, столь разных по характеру и темпераменту людей легла работа по обеспечению обороны Севастополя в период немецкого штурма летом 1942 г.

¹ Историк на заметку. С. 60.

ГЛАВА 1

Третий штурм становится неизбежным

После разгрома войск Крымского фронта в мае 1942 г. для защитников Севастополя стало очевидно, что они теперь будут следующей целью для немецкой 11-й полевой армии. Военными советами Черноморского флота и Приморской армии, политотделами армии и соединений стали предприниматься меры по разъяснению личному составу сложившейся обстановки, подготовке его к ожидаемому в ближайшем будущем штурму. Еще 30 марта штабом Приморской армии был выпущен приказ, в соответствии с которым главной задачей войск становилась оборона Севастополя как главной базы Черноморского флота. В соответствии с ним была произведена перегруппировка войск СОРа.

В воскресенье 17 мая в Севастополе собрался Военный совет флота, на который пригласили командиров соединений, руководителей севастопольских партийных и советских органов. Командующий Черноморским флотом и Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский объявил собравшимся, что советские войска оставили Керченский полуостров, и теперь, несомненно, командующий 11-й немецкой полевой армией генерал Эрих фон Манштейн начнет подготовку к решающему штурму Севастополя. Поддерживать наземные войска с воздуха будет 8-й авиационный корпус генерала Вольфрама фон Рихтгофена. Коман-

дирам было дано указание ускорить принятие всех необходимых мер по укреплению и совершенствованию обороны¹. Во второй половине мая сведения о подготовке немцами штурма в ближайшем будущем стали поступать из самых разных источников — от партизан, от авиационной и наземной разведок. Как вспоминал бывший начальник оперативного отдела Приморской армии А.И. Ковтун, с 15 мая «немцы начали буквально засыпать нас листовками с обозначенной линией фронта под Керчью и с красноречивым призывом — «сдавайтесь!»². С 20 мая небольшие группы бомбардировщиков стали совершать регулярные налеты на город и порт. Только с 23 по 30 мая на город было сброшено 990 бомб и 669 снарядов, при этом разрушено 99 зданий, погибли 55 и ранены 154 человека³.

А 22 мая командиры дивизий и бригад армии были вызваны на КП командующего Черноморским флотом и СОРОм адмирала Ф.С. Октябрьского. Он вновь озвучил известную по выступлениям генерала И.Е. Петрова информацию, добавив от себя существенный момент: то, что подвоз материальных средств, в первую очередь боеприпасов, будет сокращен. Причиной того, по словам адмирала, стали участвовавшие налеты немецкой авиации на корабли и суда, следовавшие в Севастополь и из него. Это сообщение оказалось для всех «неприятной новостью»⁴, поскольку в преддверии штурма требовалось максимально нарастить темпы поставок. Перед структурами тыла армии была поставлена задача организовать работу служб так, чтобы доставлять все необходимое прямо на позиции. Для этого армейский ав-

¹ Жидилов Е.И. Мы отстаивали Севастополь. — Горький, 1973. С. 177.

² Ковтун А.И. Севастопольские записки. — Симферополь, 1972. С. 133.

³ Государственный архив в Автономной республике Крым (далее — ГААРК). Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 13.

⁴ Ласкин И.А. На пути к перелому. — М., 1971. С. 105.

томобильный батальон был разбит на колонны, каждая из которых обслуживала свое собственное направление. К каждой дивизии и бригаде был прикреплен командир из службы тыла, который непосредственно на месте руководил погрузкой, доставкой и разгрузкой.

Воздушные атаки на корабли и конвой вызвали важные изменения в организации поставок грузов в Севастополь. С 8 мая для перевозки грузов в осажденный город стали использовать подводные лодки. По расчетам, большие подводные лодки могли перевозить до 95 т груза и до 100 человек сверх штата, средние — до 30 т и 40 человек, малые — до 6 т и до 12 человек¹.

28 мая командование Черноморского флота приняло решение выделять в конвой только тральщики и сторожевые катера. Крейсера и эсминцы предполагалось теперь использовать лишь для конвоирования судов вдоль побережья Кавказа. Так что воздействие немецкой авиации на конвой привело не к усилению их защиты, а, наоборот, к ее ослаблению. Результаты такого решения не замедлили сказаться в самом ближайшем будущем на снабжении города и армии самым необходимым.

Из-за господства немецкой авиации в воздухе все перевозки осуществлялись исключительно в ночное время². Прием и разгрузка прибывавших из Новороссийска и портов Кавказа транспортов и боевых кораблей проходили в темноте. Каждое судно или корабль на причале встречала рабочая рота. Зачастую при разгрузке присутствовал лично начальник отдела тыла Приморской армии интендант 1 ранга А.П. Ермилов. Как правило,

¹ Бирюк В.С. Всегда впереди. Малые охотники в войне на Черном море 1941—1944 . — СПб., 2005. С. 53.

² Ситуация с перевозками осложнялась тем, что наступил период коротких ночей, когда светлое время суток составляло свыше 18 часов, что значительно облегчало немцам поиск и бомбардировку советских кораблей, в том числе быстроходных.

обстрел или бомбежка не служили основанием для того, чтобы прерывать работы¹.

Во главе оперативной группы управления тыла находился полковник А.Б. Меграбян. Задачей группы было обеспечение доставки на передний край боеприпасов и продовольствия, а также эвакуация раненых. Поэтому в состав группы вошел начальник медико-санитарного отдела армии военврач 1 ранга Д.Г. Соколовский. Ему удалось к началу третьего штурма довести количество госпитальных коек до 7 тыс.² Под медицинские учреждения были выделены дополнительные штольни в Инкермане, Камышовой бухте и Юхариной балке, винные подвалы и подземелья на северной стороне. В результате передислокации и рассредоточения медицинских учреждений удалось укрыть в подземельях до 50% от их количества. «На поверхности» оставалось около 4450 коек в медсанбатах и лазаретах³. Но даже такие меры считались медиками недостаточными. По опыту второго штурма они знали, насколько быстро может увеличиваться количество раненых, если не будет возможности их своевременно эвакуировать. К концу декабря их в Севастополе насчитывалось до 18 тыс. Во время нового штурма количество раненых грозило стать бóльшим.

В мае Приморская армия получила пополнение — 9-ю бригаду морской пехоты, которой командовал полковник Н.В. Благовещенский. Она насчитывала 3 тыс. человек, и генерал И.Е. Петров рассчитывал использовать ее для уплотнения боевых порядков в одном из секторов. Однако командующий СОРОм адмирал Ф.С. Ок-

¹ Крылов Н.И. Не померкнет никогда. — М., 1984. С. 487.

² П.А. Моргунов указывал, что к началу штурма количество коек сумели довести до 10 тыс. (Моргунов П.А. Героический Севастополь. — М., 1979. С. 295).

³ Володин В.И. Севастопольский морской госпиталь в структуре СОБР. 1941—1942 гг. // Вестник морского врача.— Севастополь, 2007. № 4 (4). С. 36.

тябрьский всерьез опасался атак с моря и настоял, чтобы бригаду направили для противодесантной обороны побережья.

При подготовке к отражению третьего штурма командование Черноморского флота, СОРа и Приморской армии повышенное внимание уделяли противодесантной обороне побережья. Отдавая соответствующую директиву 11 мая, Военный совет флота аргументировал свое решение тем, что в ходе наступления на Перекопские и Ак-Монайские позиции противник уже применял высадку небольших морских десантов. Помимо этого, по данным разведки, наблюдалось сосредоточение немцами в районах Симферополя и Бахчисарая большого количества шлюпок, понтонов и иных переправочных средств, которые могли быть использованы для десантирования войск при сражении за Севастополь.

В соответствии с директивой было образовано четыре боевых участка. Отдельные задачи на случай отражения морского десанта были поставлены перед войсками Приморской армии, береговой обороной и охраной водного района главной базы. Необходимые для инженерного оборудования мероприятия выполнялись силами личного состава 9-й бригады морской пехоты, инженерными частями Приморской армии и 178-м инженерным батальоном Береговой базы.

В мае настороженность в штабе армии и в штабе СОРа относительно вероятности высадки противником десанта день ото дня возрастала. В этом месяце из разведывательного отдела армии поступило донесение, что немцы готовят высадку с воздуха в районе Французского кладбища. Данное сообщение, как и все предыдущие, касающиеся вероятных десантов противника, было воспринято со всей серьезностью. Начальник оперативного отдела майор А.И. Ковтун немедленно выехал на рекогносцировку, по итогам которой был сделан доклад командующему. По мнению начальника штаба, вероятным районом были не только Французское кладбище,

но также плато Сапун-горы, Федюхины высоты и долина р. Черной¹. К сожалению, неизвестно, из каких источников начальник разведотдела армии подполковник В.С. Потапов почерпнул свою информацию, ведь немцы воздушный десант не планировали. А вот морской десант с ограниченными целями при благоприятном развитии наступления на сухопутном фронте они рассматривали как вполне возможный.

К началу штурма все основные мероприятия, необходимые для борьбы с десантами противника, были выполнены. Но усилия зачастую были затрачены впустую: как оказалось впоследствии, командование Черноморского флота вновь переоценило степень опасности. У немцев не было мысли о проведении воздушной десантной операции против такого хорошо защищенного оборонительного района, каким являлся Севастополь.

Авиация СОРа базировалась на 3 сухопутных аэродромах, расположенных на м. Херсонес, на Куликовом поле и в Юхариной балке (оборудование последнего закончено к 25 мая). На Херсонесском аэродроме базировались 6-й гвардейский истребительный авиаполк и бомбардировочные группы 40-го и 52-го авиаполков. На Куликовом поле разместился 18-й штурмовой авиаполк, а в Юхариной балке — 23-й ночной бомбардировочный авиаполк. Вся колесная авиация была объединена в составе сформированной в мае 3-й особой авиагруппы под командованием полковника Г.Г. Дзюбы. Кроме нее, в Северной бухте были рассредоточены самолеты-амфибии 116-го морского разведывательного полка и 3-й авиаэскадрильи. По данным П.А. Моргунова, на 20 мая в составе авиации СОРа насчитывалось 98 самолетов различных типов, из них боеготовы были 53².

К 24 мая 1942 г. командование Приморской армии издало Директиву на отражение предполагаемого штур-

¹ Ковтун А.И. Севастопольские записки. С. 106.

² Моргунов П.А. Героический Севастополь. С. 288.